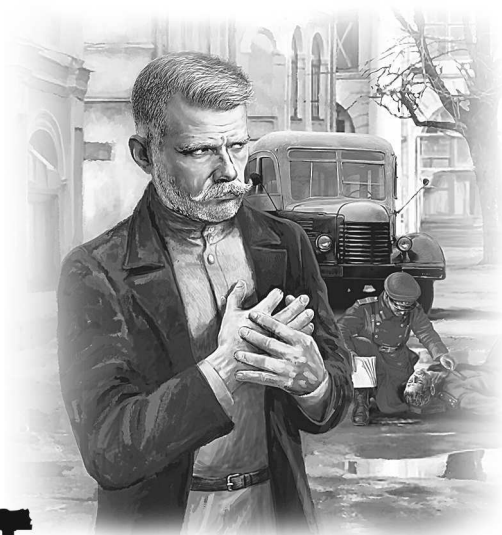

**ТРЕВОЖНАЯ
ВЕСНА 45^{-ГО}**

ВАЛЕРИЙ ШАРАПОВ

ТЕМНЫЕ МОСКОВСКИЕ НОЧИ

МОСКВА 2021

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Ш25

В оформлении обложки использована
работа *Алексея Дурасова*

Шарапов, Валерий Георгиевич.
Ш25 Темные московские ночи / Валерий Шарапов. — Москва : Эксмо, 2021. — 320 с.

ISBN 978-5-04-182551-5

В послевоенной Москве неизвестная банда совершает нападения на одиноких прохожих. Одной из жертв налетчиков стал отставной подполковник НКВД. Бандиты жестоко убили его и дочиста ограбили. Сыщики МУРа Иван Старцев и Александр Васильков обращают внимание на особую примету погибшего — отсутствие двух фаланг на указательном пальце правой руки. Точно такая же травма была у сослуживца Василькова, убитого при странных обстоятельствах в 1943 году таким же способом. Что это — случайное совпадение или почерк выжившего на войне убийцы? Страшная разгадка не заставила себя ждать...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Шарапов В., 2021
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2021

ISBN 978-5-04-182551-5

ПРОЛОГ

*Центральный фронт,
западнее Рыльска
Июль 1943 года*

Видимость в густом лесу была отвратительной. Курочкин, двигавшийся впереди, порой заходил в такие дебри, что совершенно терялся из виду. С десяти шагов не разглядеть, да и не услышать. Он перемещался совершенно бесшумно, словно на ногах у него были не солдатские ботинки, а мягкие войлочные тапки. Поэтому бойцам, шедшим следом, иной раз приходилось лишь догадываться о том, куда он подевался.

Курочкин был невысок ростом, но крепок и жилист. Природа наделила его такими качествами, как вдумчивость, внимательность, осторожность. В мирной жизни он легко стал бы прекрасным охотником, если бы этого пожелал. А на войне отцы-командиры быстро разглядели эти его способности и определили мужика в разведку.

Яркое июльское небо хорошо освещало верхушки высоких осин и кражистых дубов, но пространство под кронами растворялось в гу-

стом полумраке. У оснований древесных стволов разрастались лещина, жимолость, бересклет, шиповник. Красота! Вот только любоваться ею в разведке не пристало.

Капитан Александр Васильков наконец-то заметил впереди застывшую фигуру сержанта, успокоился, остановился и отхлебнул из фляжки. Уже с полчаса его одолевала жажда, левая рука трижды порывалась снять с пояса флягу, да всякий раз что-то мешало, отвлекало. Вот и последние несколько минут ему пришлось искать Курочкина, исчезнувшего из поля зрения. Вроде только что мелькала в листве его спина в насквозь пропотевшей гимнастерке и вдруг растворилась в серо-зеленой мешанине.

Курочкин дело знал, за полтора года службы в разведке не раз проникал за линию фронта и участвовал в рейдах по немецким тылам. Ежели он остановился и застыл, стало быть, впереди не все гладко.

Командир опять позабыл про желание испить водицы. Он машинально прицепил фляжку к поясному ремню, оглянулся и попытался узреть в зарослях своих бойцов. Основная часть группы следовала за ним на дистанции пятнадцать-двадцать метров.

Он не стал набирать в этот рейд многочисленную группу. Через линию фронта на сей раз

отправились восемь душ. Впереди шел Курочкин, Васильков шагал следом. Позади командира держались шестеро новичков.

Да, к сожалению, служба в разведке предполагала жуткую текучку кадров. Несколько дней назад при возвращении с задания серьезные ранения получили капитан Старцев и одессит Сидоренко. Обоих отправили в госпиталь, а в группу добавились новички.

Одним из таких людей был старший лейтенант Николай Точилин, командир взвода из соседнего полка. Он давненько просился в разведку, писал рапорты и даже лично обращался к Василькову. Но ротного в нем что-то настораживало. То ли заторможенность — он любил подолгу подумать, порассуждать, — то ли шаблонное мышление, что в службе фронтового разведчика совершенно не поощрялось. Вроде неплохой, умный парень, без явных недостатков, но не для этого дела.

А тут прижало. За последний месяц рота Василькова понесла большие потери. Пришлось ему закрыть глаза на мелочи и попросту брать тех, кто горел желанием.

Все шестеро, включая Точилина, были на месте, в нескольких метрах от командира. Капитан подал им сигнал об усилении внимания и принялся наблюдать за сержантом. Чуть согнув спи-

ну, тот стоял под ветвями высокого кустарника и медленно поворачивал голову то влево, то вправо. Это означало, что его тонкий слух уловил какие-то звуки. Теперь Курочкин определял направление, искал их источник.

«Впереди дорога», — вскоре пояснил он жёсткими и вопросительно поглядел на Василькова.

Вместо ответа тот вплотную приблизился к сержанту и шепотом спросил:

— С чего ты взял? На карте не обозначено никаких дорог.

— Помню, что не обозначено. Но поначалу слышал немецкую речь. Будто двое идут и негромко бубнят меж собой, — пояснил Курочкин. — А потом чуть левее и дальше затахтел мотоциклетный мотор. Неужто вы не слышали?

Лишний раз подивившись хорошему слуху сержанта, командир мотнул головой и ответил:

— Нет.

Он тотчас насторожился.

Дуновение легкого ветерка принесло едва различимый стрекот. В паре сотен метров от них действительно проезжал мотоцикл.

После крупнейшего танкового сражения в районе станции Прохоровка, в центре и на южном фесе Курской дуги случилось затишье.

Стороны воспользовались передышкой и спешно занялись перегруппировкой сил.

Минувшей ночью разведчики капитана Василькова скрытно пересекли линию фронта, продвинулись на юго-запад и еще затемно вошли в густые леса между Рыльском и Казачьей Каменкой. По мнению начальника разведки 60-й армии, где-то в этих лесах разместился штаб 13-го армейского корпуса 2-й армии вермахта. Советскому командованию позарез требовались свежие данные по составу корпуса и его вооружению.

В июле 1943 года 2-я армия вермахта состояла всего из двух корпусов: 7-го и 13-го. Казалось бы, невелика сила. Однако, по данным советской разведки, оба корпуса недавно прошли преобразование, возможно, получили пополнение в виде живой силы, техники и новейшего вооружения. Иначе вряд ли немецкое командование доверило бы этому соединению оборону самого ответственного участка на дугообразной линии фронта, протянувшейся от Малоархангельска до Волчанска.

Так или иначе, но все эти предположения перед началом масштабного наступления требовалось опровергнуть либо подтвердить. По этой причине минувшей ночью по тревоге была поднята рота разведчиков. Василькову

поставили задачу, дали сорок минут на формирование группы, завтрак, сборы и отправили за линию фронта добывать языка.

— Точно дорога. Видать, совсем свежая, — медленно отодвинув ветку куста, прошептал Курочкин.

— Недавно расчистили, — согласился командир. — Часть стволов попилили, а кустарник пригладили танками. Видишь ближе к краю следы гусеничных траков?

Так и было. Широкую рокаду немцы делать не стали, дабы не светить ее перед нашими самолетами-разведчиками. Убрали только мешавшие деревья, остальные не тронули, чтоб не размыкать густые кроны. Сваленные стволы распилили на двухметровые чурбаки и растащили по разные стороны, обозначив ими границы проезжей части. В грунте и свежих опилках уже обозначилась колея от автомобильных и мотоциклетных колес.

Поколдовав над картой, Александр Васильков хотел было приказать двигаться дальше, да тут заметил, как тяжело дышит Курочкин.

— Устал? — спросил он.

— Ерунда, — ответил тот и поморщился. — Мне бы еще пяток минут отдышаться, и можно спокойно топать дальше.